

готовки и принятия законов, а официальные заключения ученых на те или иные законопроекты в обязательном порядке должны рассматриваться в Федеральном Собрании Российской Федерации. Если парламентарии отказывают подобным заключениям, то необходимо указать мотивы такого отказа.

Следует согласиться с Т. Я. Хабриевой, что «...в силу усложнения нашей жизнедеятельности, глобального технологического прогресса научное сопровождение на различных стадиях законотворческого процесса все более очевидно превращается в необходимую часть подготовки и принятия закона»¹. По этой же причине важно создавать в правотворческих структурах более открытую атмосферу, более прозрачную обстановку, активнее включать в работу продуктивные механизмы общественных экспертиз и публичных обсуждений законопроектов, а также учета общественного мнения при их подготовке и принятии. Пока же «...в основе изменений законодательства, как правило, лежат политическое или лоббистское решение, а юристы как носители юридической техники лишь выступают инструментом для воплощения данного решения в жизнь»².

Таким образом, наряду с проблемами, описанными в начале статьи, на сегодняшний день отечественная юридическая наука испытывает сложности в определении пути дальнейшего развития еще и потому, что не в состоянии оказывать хоть какое-то влияние на правотворчество и правовую ситуацию в целом, правовая система полностью зависима от действующей власти и ее политики. Понятно, что сложившаяся ситуация не соответствует запросам активно растущего гражданского общества, требует формирования объективной правовой идеологии и национального правосознания, основанного на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Макарейко Николай Владимирович,
доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
административного права и процесса
Нижегородской академии МВД России

Некоторые доктринальные проблемы государственного принуждения

Государственное принуждение относится к высокоактуальному фрагменту правовой действительности. Об этом свидетельствует значительное число публикаций различных жанров и глубины. Невзирая на повышенное доктринальное внимание, нельзя признать исчерпанность данной проблематики. В пользу вышесказанной позиции свидетельствует развитие действующего законодательства, которое регламентирует различные формы государственного принуждения. Так, в январе 2020 года были разработаны проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и представлены для всеобщего обсуждения и оценки перспектив оказания регулирующего воздействия.

Широкая практика применения административной ответственности, объем оказываемого при этом правоограничительного воздействия свидетельствуют о значимости законодательного регулирования данной формы государственного принуждения. При этом следует признать, что те проблемы, которые были поставлены в Концепции реформирования указанного законодательства³, к сожалению, не получили своего разрешения в полной мере в данных проектах кодексов. Их вступление в силу не только не окажет положительного воздействия на функционирование института административной ответственности, а наоборот, породит значительные сложности в реальной правоприменительной деятельности. Законодательство немотивированно будет усложнено, что спровоцирует правоприменительные ошибки и, как результат, приведет к необоснованному ограничению прав и свобод граждан.

¹ Хабриева Т. Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей / под ред. С. В. Полениной, В. М. Баранова, Е. В. Скурко. Москва; Нижний Новгород, 2007. С. 29.

² Баранов В. М. Российская юридическая наука сегодня и пути совершенствования философско-методологических подходов к анализу государственно-правовых явлений. С. 149.

³ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 11.04.2024).

Несколько ранее (2018) Верховным Судом Российской Федерации был подготовлен законопроект о легализации уголовного проступка¹. Данный законопроект получил отрицательное заключение Правительства Российской Федерации, но органы судейского сообщества не оставляют надежды на его принятие².

Нынешнее состояние юридической практики в области государственного принуждения обусловлено, по меньшей мере, рядом научных факторов. Во-первых, состоянием разработки теории государственного принуждения. Во-вторых, использованием доктринальных наработок субъектами юридической деятельности. При этом следует разделить позицию Н. В. Сильченко: «Далеко не всегда в силу ряда причин и обстоятельств предложения и рекомендации юридической науки воспринимаются практикой законотворчества и правоприменения»³.

Обращение к существующим публикациям по государственно-принудительной проблематике позволяет констатировать, что научное внимание к указанной теме не ослабевает. Об этом свидетельствуют исследования как по теории права, так и отраслевой тематике. Вместе с тем следует признать очевидный дисбаланс доктринального внимания. Наиболее часто разрабатываются вопросы общей характеристики юридической ответственности и ее отраслевых разновидностей. Подобное положение имеет под собой вполне легальное объяснение. Именно институт юридической ответственности отличается наибольшим уровнем систематизации нормативного правового материала. При этом речь идет как о материально-правовой, так и процессуальной составляющих, что нельзя сказать об упорядочении мер предупреждения, пресечения, процессуального обеспечения и право восстановления (защиты).

Юристы-практики зачастую справедливо апеллируют к качеству проводимых исследований. Вместо поиска и обоснования закономерностей, свойственных государственному принуждению, авторы идут по пути уточнения используемого понятийного аппарата. Вектор доктринального осмысления государственного принуждения должен быть ориентирован на установление, обоснование и характеристику существующих и устойчивых взаимосвязей. При этом, исключая единичные и случайные связи, с тем, чтобы не допустить выявления и обоснования ошибочных закономерностей⁴.

Необходимо отказаться от необоснованной либеральной парадигмы о сокращении объема применения государственного принуждения. Интенсивность применения данного метода государственного управления обусловлена наличием соответствующих оснований, то есть совершением, а в ряде случаев и потенциальной возможностью совершения правонарушений различной степени общественной опасности и наличием аномалий с правовым содержанием. В этой связи нельзя абсолютизировать, что государственное принуждение «является вспомогательным, дополнительным методом управления обществом. Основным методом является метод убеждения, который представляет собой совокупность средств, приемов и способов воздействия на сознание человека с целью формирования у него мнения об осознанном и добровольном соблюдении и исполнении правовых предписаний»⁵. Во многом схожий подход культивировался и в советский период⁶.

Очевидно, что подобное ограниченное восприятие государственного принуждения является контрпродуктивным. Не отрицая необходимость экономии государственно-принудительного воздействия, следует выработать действенные рекомендации по применению данного метода. Речь идет, прежде всего, об определении границ принудительного воздействия⁷. В этой связи целесообразно разработать критерии установления определенных пороговых показателей⁸.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка: проект Федерального закона № 1112019-7 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2024. (дата обращения 11.04.2024).

² См.: Звечаровский И.Э. На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45–46.

³ Сильченко Н. В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. Минск, 1993. С. 31.

⁴ См.: Государственно-правовые закономерности: теория, практика, техника: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 23–24 мая 2013 года): в 2 т. / под общ. ред. В. А. Толстика. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013.

⁵ Бабаев В. К. Право и государственное принуждение // Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. Москва, 2002. С. 207.

⁶ См.: Керимова Т. В. Убеждение и принуждение при социализме (теоретические проблемы методов государственного руководства обществом): дис. ... канд. филос. наук. Ленинград, 1967. С. 212–217.

⁷ Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 90.

⁸ См.: Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 35–39.

Важно, чтобы такие показатели были сформулированы как на общетеоретическом, так и отраслевом уровнях нормативно-правового регулирования¹, а также применительно к определенным сферам правоохранительной деятельности².

Нуждается в дополнительном осмыслении проблема определения соотношения государственного принуждения и насилия. Не отрицая связи между указанными социальными явлениями, следует исходить из принципиального посыла, что государственное принуждение должно выступать средством не только пресечения и последующей правовой оценки насилия, а являться действенным его предупреждением³. Нужно своевременно диагностировать и не допускать проявления актов насилия, принимать необходимые меры по восстановлению нарушенного правового состояния.

При изучении государственного принуждения необходимо преодолеть негативное восприятие данного метода. Важно признать его востребованность в механизме правового регулирования. В этой связи следует принципиально скорректировать правосознание в данной области как ее идеологическую, так и психологическую составляющие. Важно, чтобы произошла позитивная трансформация как доктринального, так и профессионального и обыденного правосознания. Мы исходим из того, что в ходе применения мер государственного принуждения в максимальной степени задействовано правосознание (убежденность) соответствующих правоприменителей. Следует учитывать, что потенциал государственного принуждения востребован в качестве важного инструмента противодействия хаосу и в этой связи выступает важным инструментом упорядочения общественных отношений.

Перспективным видится познание аксиологической составляющей государственного принуждения. В ряде случаев именно государственно-принудительное воздействие является высоко востребованным средством обеспечения согласования противоречивых интересов различных субъектов общественных отношений. Целесообразно рассматривать государственное принуждение как обязательный атрибут общественного развития. Его характеристика, интенсивность применения на различных этапах будет существенно отличаться в силу соответствующих объективных и субъективных факторов. Указанный подход позволит преодолеть статистическое восприятие государственно-принудительной действительности, будет направлен на его видение в динамике, взаимосвязи и взаимодействии с другими юридическими явлениями и процессами.

Очевидный интерес представляет познание современных форм государственного принуждения во взаимосвязи с другими методами управления. При этом необходимо преодолеть ограничительный подход и не исчерпываться исключительно соотношением с убеждением и поощрением. В орбиту исследовательских интересов следует включить специальные методы, которые ориентированы на разрешение частных, но высоко востребованных правовых задач, которые имеют важное значение в настоящее время, а также в будущем, то есть нужно учитывать перспективные горизонты правового регулирования.

Усложнение общественных отношений, которые выступают в качестве объекта принудительно-воздействия, требует повышенного внимания к технике-юридической составляющей. При этом важно охватить во взаимосвязи средства правотворческой, право интерпретационной, правореализационной техники государственного принуждения. Совершенствование юридической техники будет в комплексе способствовать как повышению эффективности, так и законности государственно-принудительного воздействия. Успешное разрешение указанной проблемы возможно при обеспечении взаимодействия между юристами-исследователями и юристами-практиками.

Сложность института государственного принуждения во многом предопределена многоуровневым характером его нормативного правового регулирования. Исключение составляет уголовная ответственность, которая в силу статьи 71 Конституции Российской Федерации регламентируется только на федеральном уровне при этом только нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (ст. 1 УК РФ). В то время как законодательством об административных правонарушениях

¹ См.: Макарейко Н. В. Проблемы правовой определенности административной ответственности // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4 С. 245–250.

² См.: Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения в сфере обеспечения экономической безопасности (общетеоретический аспект) // Союз криминалистов и кримиологов. 2014. № 2 (2). С. 66–74.

³ См.: Макарейко Н. В. К вопросу о соотношении насилия и государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 227–231. Макарейко Н. В. Государственное принуждение и насилие: проблема соотношения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 305–307. Макарейко Н. В. Насилие как средство противоправного ограничения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 51–57.

регламентируется как на федеральном, так и региональном уровнях законодательного регулирования (ст. 1.1 КоАП РФ). Еще в большей степени усложняется проблема нормативного правового закрепления мер предупреждения и пресечения, что во многом актуализирует объем правотворческих и в конечном итоге правоприменительных ошибок. Субъекты правотворчества, в том числе и законодатели в ряде случаев «запаздывают» с регламентацией мер государственного принуждения. В этой связи актуальным является осуществление опережающего правотворчества в указанной области¹. В такой ситуации востребовано осуществление правового прогнозирования.

С учетом осуществления нормативно-правового регулирования государственного принуждения на различных уровнях существует потребность в выработке адресных рекомендаций. В настоящее время основное внимание сконцентрировано на федеральном уровне. При этом региональному компоненту уделяется незаслуженно меньшее внимание. Убеждены, что следует преодолеть сложившийся дисбаланс. Необходимо выработать рекомендации, которые должны привести к оптимизации такого регулирования, что может быть выражено как в расширении, так и ограничении таких границ. Нельзя сбрасывать со счетов муниципальную и локальную составляющие государственного принуждения. Актуализируется потребность в методическом обеспечении закрепления и применения рассматриваемого метода как на уровне нормативно-правового регулирования, так и правоприменения. В конечном итоге должна быть обеспечена гармонизация федерального, регионального, муниципального и локального нормативно-правового регулирования государственного принуждения.

Одной из особенностей государственного принуждения является изучение его субъектной составляющей. Такое положение предопределено тем, что правами по его применению наделен широкий круг лиц. Важно, чтобы соответствующими правами наделялись подготовленные субъекты. Целесообразно установить, чтобы правоограничительный потенциал соответствующих мер был сопоставим с уровнем компетенции правоприменителей. Наряду с этим данная закономерность не характерна для мер пресечения, особенно применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия. Указанные меры чаще всего реализуются субъектами, которые имеют минимальную правовую подготовку, но наиболее часто применяют указанные правоограничительные средства.

Важное значение имеет определение круга лиц, в отношении которых применяются меры государственного принуждения. Речь идет о выработке адресных рекомендаций по применению принудительного воздействия в отношении различных категорий физических лиц, в том числе и обладающих правовыми иммунитетами. Наряду с этим важно аргументировать возрастные характеристики принуждаемых, особенно в отношении видов юридической ответственности. Нельзя признать решенным вопрос применения соответствующих мер в отношении юридических лиц. Одним из аспектов выступает разделение принудительного воздействия между юридическим лицом и органами его управления.

Наличие и реальное функционирование различных экстраординарных правовых режимов (чрезвычайного, военного положения, контртеррористической операции, повышенной готовности и др.), в том числе введение санкционных режимов, требует выработки соответствующих доктринальных рекомендаций. Они должны быть направлены на «перенастройку» мер государственного принуждения на применение в особых условиях. Важно в комплексе предусмотреть изменение применяемых мер, то есть их материально-правовые и процессуальные характеристики.

Государственное принуждение является мощным правоограничительным инструментом, который востребован в силу высокой конфликтности общественных отношений, наличия противоречивых интересов у соответствующих субъектов. В этой связи важно выработать рекомендации по обеспечению баланса таких интересов, то есть между публичными и частными, индивидуальными и групповыми. При этом следует использовать те закономерности, которые выявляются специалистами в других областях знаний: социологами, психологами, политологами, экономистами. Использование такой информации будет способствовать выработке более адресных рекомендаций, а применяемые меры государственного принуждения позволят получить больший эффект.

Учитывая то обстоятельство, что меры государственного принуждения реализуются в различных пространственно-временных рамках, данный фактор требует обязательного учета. Он находится в русле общетеоретического познания указанных феноменов. «Грамотный и рациональный

¹ См.: Баранова М. В. Опережающее правотворчество в правовой системе современности // Вестник Саратовской юридической академии. 2016. № 1. С. 43–45.

подход к установлению и реализации пространственно-временных свойств в правовой сфере способствует нахождению оптимального баланса в состоянии упорядоченности общественных отношений и является необходимым условием достижения ближайших и отдаленных во времени стратегических задач государства¹.

Следует принимать во внимание различные значения пространства и времени применительно к отдельным формам государственного принуждения. Они имеют принципиально важное значение относительно мер предупреждения и пресечения, когда «отступление» от указанных параметров рассматривается как нарушение законности. Названные обстоятельства в определенной степени утрачивают свою остроту применительно к мерам правовосстановления. При этом фактор времени имеет важное значение при оценке эффективности применения указанных мер безотносительно к их видам.

Принимая во внимание высокую динамику отношений, охраняемых посредством государственного принуждения, целесообразно выработать адресные рекомендации по проведению мониторинга в данной области. Его потенциал позволит скорректировать усилия субъектов правотворчества и правоприменения с учетом изменяющейся обстановки, позволит оперативно осуществлять коррекцию государственно-принудительного воздействия.

Учитывая возможность реализации государственного принуждения не в связи с совершением правонарушений, а при обнаружении аномалий с правовым содержанием, следует уделить повышенное внимание данной проблеме. Не только в обыденном, но и в профессиональном и доктринальном правосознании не преодолено ограничительное восприятие государственного принуждения, его связанность исключительно с правонарушениями. Отказ от задействования потенциала государственного принуждения в связи со стихийными бедствиями, техногенными авариями и катастрофами влечет за собой негативные последствия, которые не сопоставимы с правоограничениями от применения мер государственного принуждения. В этой связи важно дать научные рекомендации по закреплению и последующему применению таких мер, в том числе и по усилению контроля за их применением.

Объем института государственного принуждения, его разноуровневый характер требуют проведения систематизации нормативно-правового материала. Специфика различных форм государственного принуждения требует использования различных видов систематизации. Признавая потенциал кодификации, следует быть реалистами и понимать его ограниченные возможности, а критически оценивать рекомендации по осуществлению всеобщей кодификации указанного института. В этой связи целесообразно осуществлять адресную систематизацию применительно к отдельным отраслевым формам государственного принуждения. Следует сформулировать доктринальные рекомендации по упорядочению рассматриваемых мер. Речь идет о мерах предупреждения и пресечения, для которых характерен минимальный уровень систематизации.

Признавая наличие наиболее упорядоченного законодательства, регламентирующего юридическую ответственность, следует учитывать невысокую систематизацию дисциплинарной ответственности. Нельзя сбрасывать со счетов наличие норм, регламентирующих административную ответственность за границами законодательства об административных правонарушениях. При этом речь идет не только исключительно о налоговой ответственности, а касается и других видов юридической ответственности. В этой связи следует присоединиться к авторитетному мнению Н. В. Витрука об отсутствии должной аргументации самостоятельного статуса бюджетной, налоговой, таможенной видов юридической ответственности². В настоящее время ряд законов, особенно регулирующих финансово-правовые институты, несвободны от норм, устанавливающих административную ответственность. Данная посылка относится и к процессуальной ответственности³.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать продолжение кодификации мер государственного принуждения с учетом действующего отраслевого законодательства. Наряду с этим целесообразно продолжить практику принятия законов, регламентирующих деятельность отдельных правоохранительных органов, где предусмотреть систематизацию применяемого принудительного инструментария.

¹ Тенилова Т. Л. Пространство и время в правовой системе общества: монография. Нижний Новгород, 2014. С. 5.

² См.: Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. Москва, 2008. С. 130.

³ См.: Макарейко Н. В. Процессуальная ответственность как правовое явление // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С. 249–253.

Внедрение современных информационно-коммуникационных технологий должно учитываться при разработке теории государственного принуждения. При этом нужно принимать во внимание специфику использования данного инструментария при охране цифровых отношений. Наряду с этим актуализируется проблема применения искусственного интеллекта в ходе применения государственного принуждения. Понимая перспективность использования указанных технологий, возможность оперативного достижения поставленных правоохранительных целей, необходимо учитывать существующие при этом риски.

Резюмируя вышеизложенное, следует признать, что государственное принуждение является правовой проблемой, требующей повышенного доктринального внимания. Оно не является константой, а будет корректироваться в силу как объективных, так и субъективных факторов, что требует перенастройки вектора научных исследований в указанной области.

Мельник Валерий Васильевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного процесса
Военного университета
имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации;
Корбашов Вячеслав Евгеньевич,
старший преподаватель кафедры уголовного
процесса Военного университета
имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Значение профессиональной юридической этики для нравственной социализации выпускников юридических вузов, образования и воспитания их в духе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей

Актуальность темы обусловлена задачами, поставленными в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором особо отмечено, что в условиях, когда недружелюбные страны проводят целенаправленную политику по сдерживанию Российской Федерации, одним из важнейших стратегических национальных приоритетов является защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а обучение и воспитание молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей должны рассматриваться как одна из важнейших задач, связанных с обеспечением национальной безопасности, поддержанием на высоком уровне морально-политического состояния личного состава, правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах, других воинских формированиях и органах.

Решение указанных дидактических задач в юридических вузах приобретает особую актуальность и в свете последнего Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 30 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», в котором определены:

— в качестве одной из приоритетных национальных целей рассматривается «реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности»;

— а в качестве целевых показателей и задач, выполнение которых характеризует достижение этой национальной цели, — «создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей».

Обучение и воспитание курсантов и студентов юридических вузов на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей охватывается понятием «социализация личности выпускников юридических вузов».

Нравственный аспект социализации юристов удачно выражает определение, в котором под нравственной (моральной) социализацией понимается «...процесс, в ходе которого происходит